

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лаптева Олега Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 15 Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и частями первой и второй статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

3 июля 2025 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, М.Б.Лобова, В.А.Сивицкого,

заслушав сообщение судьи В.А.Сивицкого, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина О.А.Лаптева,

у с т а н о в и л :

1. Федеральный закон от 3 декабря 2008 года № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» в части 1 статьи 15 устанавливает, что право на использование геномной информации имеют суды, органы предварительного следствия, органы дознания и органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность.

Согласно статье 161 УПК Российской Федерации данные предварительного расследования не подлежат разглашению, за исключением случаев, предусмотренных частями второй, четвертой и шестой этой статьи

(часть первая); данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя или дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства (часть вторая).

Конституционность приведенных норм оспаривает гражданин О.А.Лаптев, настаивавший на продолжении производства по уголовному делу с целью реабилитации умершего родного брата, который обвинялся в совершении ряда преступлений.

Как следует из представленных материалов, в уголовном деле была получена геномная информация умершего, использованная, в том числе с помощью федеральной базы данных геномной информации, для подтверждения его причастности к совершению как расследуемых в этом деле преступлений, так и преступления, расследуемого в другом деле. Полагая, что доказательства сфальсифицированы, О.А.Лаптев пытался получить от Экспертно-криминалистического центра МВД России и следственных органов сведения, связанные с обработкой названной геномной информации, по этим уголовным делам, а также по другим неизвестным ему уголовным делам. Однако в предоставлении указанных сведений заявителю было отказано, с чем согласились суды, рассмотревшие на основании оспариваемых норм административные иски заявления О.А.Лаптева к Экспертно-криминалистическому центру МВД России и к следственному органу, а также отказавшие в принятии к рассмотрению в предусмотренном статьей 125 УПК Российской Федерации порядке его жалобы на ответ руководителя следственного органа.

О.А.Лаптев утверждает, что оспариваемые нормы не соответствуют статьям 21 (часть 1), 24 (часть 2), 45, 46, 48 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации, поскольку лишают близких родственников умершего подозреваемого или обвиняемого возможности получить из федеральной

базы данных геномной информации сведения, связанные с его геномной информацией и ее совпадением с данными неустановленных лиц, причастных к совершению преступлений, а также препятствуют получению от органов предварительного следствия информации из уголовных дел о таких совпадениях, включая дела, в которых умерший проверялся на причастность к преступлениям, но не имел процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого.

2. В силу предписания статьи 24 (часть 2) Конституции Российской Федерации любая информация должна быть доступна гражданину, если собранные документы и материалы непосредственно затрагивают его права и свободы, а законодатель не предусматривает специальный правовой статус такой информации в соответствии с конституционными принципами, обосновывающими необходимость ее особой защиты (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2017 года № 32-П, от 13 января 2020 года № 1-П, от 28 апреля 2023 года № 22-П и др.).

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, право на свободу информации может быть ограничено федеральным законом на основе принципа юридического равенства и вытекающего из него принципа соразмерности (статья 19, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации) и в соответствии с критериями, которые предопределяются требованиями статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, т.е. в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, а реализация данного права возможна только в порядке, установленном законом (Постановление от 31 марта 2011 года № 3-П; определения от 6 октября 2015 года № 2443-О и № 2444-О и др.).

Однако государство обязано гарантировать защиту прав как собственно участников уголовного процесса, так и всех тех, чьи права и законные интересы непосредственно затрагиваются при производстве по уголовному

делу, в том числе обеспечивать им надлежащие возможности по отстаиванию своих прав и законных интересов на всех стадиях уголовного судопроизводства любыми не запрещенными законом способами; при этом в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может использовать способы регулирования, которые посягали бы на само существо того или иного права, ставили бы его реализацию в зависимость от решения правоприменителя, допуская тем самым произвол органов власти и должностных лиц, и исключали бы его судебную защиту (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2000 года № 3-П, от 14 июля 2011 года № 16-П и др.; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2003 года № 43-О, от 18 января 2005 года № 39-О и др.). Будучи высказанной в отношении ситуации, когда лицо, имея законный интерес в участии в производстве по уголовному делу вследствие смерти близкого родственника при обстоятельствах, дающих основания предполагать наличие в данном событии признаков преступления, настаивает на дальнейшей, более тщательной проверке сообщения о преступлении и (или) возбуждении уголовного дела и уголовном преследовании виновных, приведенная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации носит универсальный характер и применима, в частности, к случаям, когда близкие родственники умершего подозреваемого (обвиняемого) добиваются его реабилитации в соответствии с конституционным требованием обеспечения защиты чести, достоинства и доброго имени, а также прав, вытекающих из презумпции невиновности, равно как и других прав и законных интересов, которым предопределяется необходимость предоставления этим лицам – ввиду особенностей их фактического положения – надлежащих процессуальных прав (Постановление от 14 июля 2011 года № 16-П).

Устанавливая правовой режим доступа к информации, относящейся к охраняемой законом тайне, законодатель должен избегать создания

неустранимых препятствий в ознакомлении с непосредственно затрагивающими права и свободы заинтересованных лиц документами и материалами для целей судебной защиты, принимая во внимание то, что специальный режим информации может быть обеспечен другими правовыми средствами, чем лишение гражданина доступа к ней. Будучи выраженной в Постановлении от 23 ноября 2017 года № 32-П в отношении информации, содержащей сведения в области оперативно-розыскной деятельности, отнесенные к охраняемой законом тайне, приведенная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации тем более имеет значение в случаях, когда информация не достигает столь высокой степени конфиденциальности.

3. Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» устанавливает правовые основы получения, учета, хранения, использования, передачи и уничтожения биологического материала и геномной информации отдельных категорий граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства в целях идентификации личности человека (статьи 1, 2 и 5). Согласно названному Федеральному закону лица, подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений, подлежат обязательной государственной геномной регистрации (пункт 3 части 1 статьи 7), которая проводится органами предварительного следствия, органами дознания совместно с подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации и (или) Следственного комитета Российской Федерации, к компетенции которых относится указанный вид деятельности (пункт 2 части 1 статьи 9); порядок проведения обязательной государственной геномной регистрации определяется Правительством Российской Федерации (часть 2 статьи 9).

Государственная геномная регистрация, как следует из пояснительной записки к проекту данного Федерального закона, предназначена для повышения эффективности борьбы с преступностью, в том числе с терроризмом и экстремизмом, а также установления по неопознанным

трупам личности человека, розыска пропавших без вести лиц, оказания помощи в расследовании и предупреждения совершения серийных и заказных убийств, изнасилований и других тяжких и особо тяжких преступлений, что нашло отражение в перечисленных в части 2 статьи 14 этого Федерального закона целях использования геномной информации, полученной в результате проведения государственной геномной регистрации.

Соответственно, находящаяся в федеральной базе данных геномная информация фактически рассматривается в качестве служебной, вспомогательной (криминалистически значимой) информации в правоохранительной деятельности, и с таким ее значением согласуется оспариваемая часть 1 статьи 15 Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», согласно которой право на использование геномной информации имеют суды, органы предварительного следствия, органы дознания и органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность. Тем самым не предполагается, по общему правилу, получение подозреваемым или обвиняемым, его защитником или законным представителем либо близким родственником умершего подозреваемого или обвиняемого сведений непосредственно от оператора федеральной базы данных геномной информации.

4. Информация о принадлежности биологического материала конкретному лицу критически важна для доказывания по уголовному делу. Геномный профиль человека, подобно его дактилоскопической карте, является востребованным инструментом идентификации личности.

В то же время в силу своего вспомогательного, служебного характера геномная информация, находящаяся в соответствующей федеральной базе данных, приобретает значение для выводов по предмету расследования уголовного дела только в сопоставлении с информацией, которая содержится в биологическом материале, полученном в ходе расследования этого дела. Происхождение такого биологического материала фиксируется протоколами

соответствующего следственного действия, он подвергается генетической (молекулярно-генетической) экспертизе в установленном порядке. При этом такой биологический материал, в свою очередь, является источником сведений для обязательной государственной геномной регистрации неустановленных лиц, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий, а также лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений (пункты 2 и 3 части 1 статьи 7 Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»).

Подозреваемый, обвиняемый, а в случае его смерти – его близкий родственник, возражающий против прекращения уголовного дела в связи с его смертью и настаивающий на применении реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела, вправе, в частности, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству или ходатайству защитника, знакомиться с протоколами этих действий, с постановлением о назначении судебной экспертизы, ставить вопросы эксперту и знакомиться с заключением эксперта, знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела, выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме, заявлять ходатайства. Ходатайства могут, в частности, касаться вопросов назначения и проведения экспертизы биологического материала, в том числе во взаимосвязи с геномной информацией, содержащейся в соответствующей федеральной базе данных. Указанные лица могут приводить при рассмотрении уголовного дела доказательства, опровергающие те выводы, которые были сделаны на основе сведений, содержащихся в биологическом материале, в том числе ставить под сомнение источник и обстоятельства его включения в число доказательств (происхождения в данном уголовном деле). При этом предполагается, что в самом уголовном деле содержится вся необходимая

информация, позволяющая стороне защиты оценивать соответствующее доказательство, его относимость, достоверность и допустимость, или по крайней мере предоставление таковой может быть обеспечено посредством заявления ходатайств, в удовлетворении которых нельзя произвольно и немотивированно отказать.

Оспариваемые заявителем законоположения не могут тем самым рассматриваться как создающие ограничения подозреваемым, обвиняемым, близким родственникам умершего подозреваемого или обвиняемого в ознакомлении с материалами уголовного дела, содержащими геномную информацию. При этом положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не исключают реализацию этих прав и после вступления в законную силу приговора или прекращения производства по уголовному делу по нереабилитирующему основанию, в том числе для подготовки доводов для инициирования в установленном порядке пересмотра соответствующих решений.

5. В то же время не может не учитываться то обстоятельство, что выводы генетической (молекулярно-генетической) экспертизы могут касаться соотношения (совпадения или несовпадения) геномной информации относительно биологического материала, имеющегося в конкретном уголовном деле, с геномной информацией, содержащейся в соответствующей федеральной базе данных. При этом, если сведения об изъятии, хранении, передаче биологического материала, фигурирующего в конкретном уголовном деле, в нем безусловно должны иметься и могут оцениваться указанным выше образом, то происхождение геномной информации в соответствующей федеральной базе данных может не находить отражения в его материалах.

Вместе с тем сторона защиты не должна быть лишена возможности опровергать достоверность происхождения такой информации, тем более что в силу высокой доказательственной значимости совпадений генетических профилей что-либо иное, кроме выявления недостоверности происхождения

геномной информации в федеральной базе данных, может не позволить ставить соответствующие результаты под сомнение. А для этого стороне защиты должны быть доступны сведения об обстоятельствах получения этой информации и ее обработки (изъятия биологического материала в ходе следственных действий или при иных предусмотренных Федеральным законом «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» обстоятельствах), хранения и передачи. Отказ в их предоставлении, при действительном их наличии, оператором соответствующей федеральной базы данных (уполномоченной им организацией) вступал бы в противоречие с приведенными выше правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации.

Как следует из судебных решений по делу заявителя, непредоставление ему Экспертно-криминалистическим центром МВД России запрашиваемых сведений было обусловлено не только содержанием оспариваемых законоположений, но и тем обстоятельством, что предоставить данные о том, когда, кем и откуда был направлен генетический профиль лица, не представлялось возможным в связи с истечением нормативно установленных сроков хранения соответствующих документов. Это не дает оснований полагать, что оспариваемыми частью 1 статьи 15 Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и положениями статьи 161 УПК Российской Федерации были нарушены права заявителя.

6. Заявитель полагает оспариваемые законоположения неконституционными в том числе потому, что ему на их основании отказано в предоставлении сведений, связанных с обработкой геномной информации его брата по неизвестным заявителю другим уголовным делам, помимо тех дел, в которых экспертизой дано заключение о вероятной причастности его брата к их совершению.

По смыслу статьи 161 УПК Российской Федерации, устанавливающей запрет на разглашение данных предварительного расследования, таковой

означает недопустимость их передачи (распространения) лицам, не являющимся участниками уголовного судопроизводства, или в объеме, превышающем пределы необходимости и достаточности для реализации права на обжалование решений и действий (бездействия) органов, осуществляющих уголовное преследование, в той мере, в какой эти действия и решения затрагивают интересы указанных лиц, с тем чтобы реализация конституционных прав на судебную защиту и на квалифицированную юридическую помощь не приводила к нарушению прав и свобод иных лиц, а значит, и к отступлению от предписаний статей 17 (часть 3), 23 и 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 6 октября 2015 года № 2443-О и № 2444-О).

В соотношении с процессуальными правами подозреваемых, обвиняемых, а в случае их смерти – их близких родственников, возражающих против прекращения уголовного дела в связи с их смертью, это означает, в частности, отсутствие необходимости предоставлять лицам те сведения, которые прямо не затрагивают их (их умерших близких родственников) уголовное преследование и которые при своем разглашении потенциально способны оказать негативное влияние на расследование других дел. К таким сведениям – исходя из конкретных обстоятельств – может быть отнесена информация о совпадении или несовпадении генетического профиля подозреваемого или обвиняемого с другими записями в базах данных, поскольку разглашение такой информации способно отрицательно повлиять на предварительное расследование других уголовных дел, сделав потенциально доступной информацию для лиц, в отношении которых ведется или может быть осуществлено уголовное преследование и которые могут использовать эту информацию с целью уклонения от правосудия.

При этом в случае возникновения в ходе осуществления органами предварительного расследования процессуальной деятельности, связанной с выявлением причастности умершего к совершению преступления, оснований прекращения уголовного дела в связи со смертью обвиняемого,

подозреваемого, их близким родственникам предоставляются необходимые и достаточные процессуальные права, указанные выше, в том числе ввиду проведения генетической (молекулярно-генетической) экспертизы и оценки ее результатов.

7. Таким образом, использование в уголовном деле геномной информации конкретного подозреваемого, обвиняемого или сведений из соответствующей федеральной базы данных не меняет содержания уголовно-процессуальных гарантий, а оспариваемые заявителем законоположения не препятствуют реализации права на защиту, в том числе на получение в этих целях необходимой информации подозреваемыми, обвиняемыми, а в случае их смерти – их близкими родственниками, возражающими против прекращения уголовного дела в связи с их смертью. По существу, заявитель предлагает Конституционному Суду Российской Федерации оценить не содержание оспариваемых законоположений, а обоснованность конкретных правоприменительных актов, что невозможно без исследования фактических обстоятельств и не относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лаптева Олега Анатольевича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 1839-О